

ИНДИВИД, СЕМЬЯ, ОБЩЕСТВО

DOI: 10.25990/socinstras.pss-18.htp8-1j56

EDN: DUPRNX

А. Г. Щёлкин

«ОТЦЫ И ДЕТИ» — СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ПОКОЛЕНИЙ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Смена поколений — это старая тема в художественной и даже философской литературе, но относительно новая для социологии. Большие социологические надежды на эту тему возлагал Т. Шанин. Другие известные отечественные социологи, как Ю. Левада и Вл. Ядов оценивали более осторожно и даже критически возможности «молодого поколения» быть маркером «прогрессивных» изменений в жизнеустройстве человеческого общества. Вместе с тем феномен «отцов» и «детей» остается «индекативен» как собственно в семейном, так и социетальном масштабе. Состояние межпоколенческих отношений является живым свидетельством социума в его цивилизационном измерении. К сожалению, сегодня многие западные и отечественные социологи сводят проблему «отцов» и «детей» в духе М. Вебера к рационально-«цифровой» компетентности/некомпетентности тех и других. Очевидно, что традиционный дуализм «отцов» и «детей» на этом техноцентристском маршруте исчезнет сам собой, но онтологический (бытийный) человеческий и цивилизационный смысл сосуществования «отцов» и «детей», безусловно, останется как «программа» самосохранения социума. И кому, как ни социологам, эта забота не ближе всего в силу их профессионализма и социальной ответственности

Ключевые слова: «эпистемологические возможности» поколенческих категорий, критерии современных поколений, «онтология для социума», социальная ответственность социологов.

ALEXANDER G. SHCHELKIN

“FATHERS AND CHILDREN” — A SOCIOLOGICAL PORTRAIT OF GENERATIONS IN AN ONTOLOGICAL INTERIOR

Generational change is an old topic in fiction and even philosophical literature, but relatively new in sociology. T. Shanin placed great sociological hopes on this subject. Other well-known domestic sociologists, such as Yu. Levada and Vl. Yadov assessed more cautiously and even critically the opportunities of the “young generation” to be a marker of “progressive” changes in the life order of human society. At the same time, the phenomenon of “fathers” and “children” remains “indicative” both on the family and societal scales. The state of intergenerational relations is a living evidence of society in its civilizational dimension. Unfortunately, today many Western and domestic sociologists reduce the problem of “fathers” and “children” in the spirit of M. Weber to the rational-“digital” competence/incompetence of both. Obviously, the traditional dualism of “fathers” and “children” on this technocentric route will disappear by itself, but the ontological (existential) human and civilizational meaning of the coexistence of “fathers” and “children” will certainly remain as a “program” for the self-preservation of society. And to whom, no matter how sociologists, this concern is not closest because of their professionalism and social responsibility.

Key words: “epistemological possibilities” of generational categories, criteria of modern generations, “ontology for society”, social responsibility of sociologists.

Принято считать, что феномен «отцы и дети» связан с попыткой взглянуть на кризисное состояние общества с позиции поколенческого конфликта, когда взгляды «отцов» и «детей» на текущую ситуацию и предстоящее будущее сильно расходятся: с этой точки зрения «молодежь» стоит за «перемены», «взрослые» — за status quo. Это довольно устойчивая умственная парадигма безусловно имеет свои основания. Не предвая окончательных выводов, попробуем коснуться этих оснований с целью понять, что здесь соответствует реальности, а что представляет собой, скорее, «идейный» фантом. Но законы жанра требуют начинать с начала, начинать с терминов. Это тем более важно, что на этом пути нас поджидает, так сказать, эпистемологический сюрприз: оказывается, что исторически первоначальный смысл выражения «поколение» был принципиально другим, чем сегодня.

Этимология не спасает от коварства терминов

Во всех этимологических словарях слово «поколение» означает в целом одно и то же. Смысл этого выражения идет от существительного «колено» в значении «род, племя». Иначе говоря, язык сам артикулирует главное генетическое содержание этого термина — «родственники одной степени родства по отношению к общему предку, люди одного колена». В традиционном социуме «родственность» может пониматься, действительно, буквально. Но в обществе современного типа «родственность» можно трактовать как некая «общность», которая, конечно, не предполагает биологически «общего предка». Речь может идти о «родстве», организованном параметрами другого порядка — ОБЩНОСТЬЮ возраста, жизненного опыта, присутствием в ОБЩЕМ «историческом времени» (эпохе), СОВПАДЕНИЕМ «жизненных миров», ТОЖДЕСТВОМ языка, на котором описывается среда обитания данной когорты людей, ЕДИНСТВОМ самосознания и т. д., и т. д. Эта социальная атрибутика поколения, действительно, может быть дополнена множеством других характеристик. Так что доминанта, формирующая «социальную физиономию» того или иного поколения, действительно бывает самой разнообразной. Значимым может быть религиозный фактор — как, напр. вслучае с отцами-пилигримами, не согласными англиканской церковью и переселившиеся в XVII веке в Северную Америку (В наши дни десятки миллионов жителей США имеют хотя бы одного предка из числа отцов-пилигримов). Столь же сильной доминантой, формирующей поколенческую общность, выступает и система политических представлений людей. Отдельный и набирающий силу фактор, интегрирующий индивидов в поколенческие «когорты», — это современный класс технических средств и, в первую очередь, ИТ. Огромная армия «айтишников», которых сегодня не спутаешь с представителями традиционных профессий, поневоле заставляет думать о превратностях и надеждах современного общества, открытого навстречу «техно-цифровому детерминизму».

Одним словом, у феномена «поколение» — и этимология это подтверждает — сущностная характеристика состоит в референции, отсылке к «общности», «общему корню» чего бы эта «общность» и «типичность» ни касались, будь то сфера труда и профессий, сфера политических предпочтений, или сфера моды, языка, культуры и даже анти-культуры.

Но понимание «поколения» в аспекте указанной референции к «общности» для социума современного типа является едва ли

методологически значимым и социально продуктивным. Квинт-эссенция феномена «поколение» для нетрадиционного общества лежит в таком неизбежном и полном двигательной энергии факте «поколенческого разлома», и не всегда очевидной, но всегда коварной диалектике «отцов и детей». Уже автора романа «Отцы и дети» это обстоятельство ставило в тупик. Достаточно напомнить эпитафию к книге, который И. Тургенев в окончательном варианте текста, однако, снял: «Отцы — содержание без силы, дети — сила без содержания».

«Молодое поколение» как социальный факт

Можно принять за точку отсчета: сюжет под названием «отцы и дети, обследован довольно давно и достаточно заинтересованно. Тема в художественной литературе присутствовала задолго до знаменитого романа И. Тургенева, а в истории социальной мысли признаки этой проблематики наблюдаются чуть ли не с античности. Тем не менее, в полном объёме драматизм и «борьба противоположностей» «отцов» и «детей» обнаруживают себя где-то с эпохи «Просвещения», когда эпоха становится «современностью», а социум — «современным» (историки, как известно, предпочитают пользоваться термином «Новое/Новейшее время»). С этого исторического момента общество как бы живёт интенцией «современности», то есть, в конечном счете, «выходом» на зрелые формы демократии, экономики, государства, институтов гражданского общества, и «сущностные» (онтологические) ожидания общества связывают именно с «детьми» понимание и реализацию такой перспективы.

По сути дела, памятуя об онтологическом подходе к сущности «молодого поколения», уже можно конкретизировать этот подход так: насколько «молодежь» как социальный субъект выполняет свою «миссию», свое «предназначение», так сказать, монополю? Или она в это плане ничем не оригинальнее, чем «отцы» и даже хуже — она легко оказывается в роли не субъекта, а объекта («жертвы») «несовременных» обстоятельств?

Кроме того, едва ли нужно делать принятую оговорку. В обществе «досовременного» типа» проблемы «отцов и детей» в означенном смысле не существует: молодые люди социализируются в культуре старшего поколения и живут по заветам предком в неальтернативном «традиционном социуме». Интересно в этой связи, например, отметить, что даже социализм, который строился в СССР, только на первый взгляд, не подпадает под категорию «традиционного общества». Казалось

бы, при советском социализме до отчаяния сильно был представлен «инновационный» мотив. Но — прежде всего и если не исключительно — этот мотив относился к технологической и научной областям. Экономической сферы это касалось в меньшей степени, а изменения в политической жизни и вообще были под полным запретом. Поэтому в целом официальная «поколенческая» политика декларировалась в духе известного лозунга — «молодежь продолжает традиции своих отцов и дедов». В общем, доктринально и на практике гражданская и политическая социализация молодежи строилась по лекалам чисто «традиционного сообщества».

Итак, если императив «современности» действует с неотвратимостью исторической необходимости, то вопрос в терминах «поколенческой» парадигмы формулируется сам собой: насколько «молодое поколение» как демографический и социальный фактор является самодостаточным и эксклюзивным основанием для вступления в эту «современность»?

Есть хрестоматийно известное выражение и оценка того, что представляют собой молодежь и её социальный потенциал. Речь идет о высказывании графа де Габино, датированное 1843 годом: ««Молодые — одна из величайших опасностей, какие угрожают нашей цивилизации ... Единственная политика, которую надлежит к ним применять, — это политика террора» (цит. по: Дольто 1997: 162). Этот пассаж, выдержанный в духе абсолютной неполиткорректности, отражает ту точку зрения, что «дети» в отличие от «отцов» могут выступать заметным и даже опасным игроком в жизнеустройстве общества. Если у консерватора и фактически реакционера графа де Габино мы отмечаем скандально-криминальный рецепт против «молодежи», то всегда найдутся, с другой стороны, и варианты использования «молодежного фактора» в интересах тех или иных политических групп и деятелей. В последнем случае богатая на подобные примеры история XX столетия полна драматических иллюстраций. Это и отчаянная ставка на молодежь как на «барометр революции» Льва Троцкого в середине 1920-х годов в России, и авантюрная «культурная революция» хунвейбинов в Китае (1966–1967), и «красные хмеры» в Кампучии (конец 1970-х), и «Красные бригады» в Италии (1970–1980-ые) и проч. эксцессы «революции студентов» в Европе и Америке.

Новейшая история знает не мало примеров, когда молодежь принимала участие не только и не столько в экстремистских и леворадикальных движениях, но и в достаточно осмысленной борьбе за демократию и правовое государство в странах Восточной Европы

в период окончания холодной войны. Как бы ни оценивать характер «цветных революций» в мире, однозначно можно сказать, что их основной контингент — это молодежь.

Эти и подобные факты не могут не производить на наблюдателей впечатление, будто бы феномен «отцы и дети» означает, так называемый, «поколенческий разлом», в котором молодые люди выступают не только инициаторами этого «разлома», но и представляют собой постоянное и самостоятельное образование, которое не нуждается ни в каком обосновании и причинности, то есть, являются, выражаясь на философском наречии, «причиной самого себя» (*causa sui*). Если допустить, что это так, то вполне понятно, откуда берется у многих наблюдателей и исследователей склонность объяснять «поколением детей» как таковым самый механизм инновационной и творческой эволюции всякого социума.

Когда «поколение» становится маркером исторической динамики социума

По причине широкой известности можно было бы не упоминать здесь икону американской культурной антропологии М. Мид. В своей классификации внутривозрастных отношений (по такому критерию как, «кто у кого учится своему будущему») она выделяет не только случай «традиционного общества», когда передача знаний идет почти исключительно от взрослых к детям (в мидовской классификации это «постфигуративное общество»), но и тот вариант, который отвечает природе «современного общества», где убедительно присутствует передача знаний от детей к взрослым (в редакции, предложенной М. Мид, это — кейс «префигуративного общества»). Сегодня у многих есть желание и даже вполне обоснованное поспорить с подобной хрестоматией в истории культурной антропологии. Здесь же лишь подчеркнем, что пафос и интерес М. Мид тоже сводится к идентификации «молодости» как источника, ответственного за «дизайн современности» человеческого общества. (В скобках только заметим, что М. Мид была настолько увлечена своей собственной идеей, что чуть ли неумышленно приписала традиционному укладу жизни племен Самоа (1920-е) либерально-современные черты сексуального поведения тамошней молодежи. К слову сказать, это «осовременивание» традиционных институтов сделало М. Мид непререкаемым авторитетом среди молодых борцов за «сексуальную революцию» в 1960-ые годы и за «гендерное равенство» на рубеже XXI столетия)

Проф. Теодор Шанин в своей статье «История поколений и поколенческая история» полагает, что вполне возможным и убедительным способом понять историю обновления, в частности, российского общества, именно через «смену поколенческих серий» (Шанин 2005: 9), проще говоря, через смену поколений. Вслед за Ортегой-и-Гассетом он исходит из того, что «поколение и общность осознания им действительности выступают поэтому как важнейшие категории исторического процесса и общества как такового» (Шанин 2005: 25). Доверие к понятию «поколение» настолько прочно, что автор готов озадачить читателя вопросом: почему это понятие («поколение»), будучи «широко распространенной категорией языка повседневности, беллетристики и СМИ [...] менее популярно в науке?» (Шанин 2005: 19). Как бы исправляя эту ситуацию многие авторы, включая и нашего автора, готовы признать, что всякое (другое) поколение наглядно демонстрирует наблюдателю как собственно через категорию «поколение» «важнейшие элементы «цивилизации», механизмы репродукции культуры [...] возможности их трансформации» манифестируют себя не сами по себе, не абстрактными «институтами-учреждениями-структурами», а именно «на уровне индивидуумов» (Шанин 2005: 27), на уровне индивидуальных биографий, на уровне «человеческого материала». Надо согласиться, что любая современная социальная теория ищет «задающее начало» не только в анонимных, объективных структурах, но в мышлении и действиях живых людей. Этой артикуляцией отличается, например, «активистская школа» П. Бурдьё. Симптоматично прозвучал опять же ответ (если не упрёк), одного французского студента антропологу-структуралисту Леви-Строссу в памятные майские дни 1968 г.: «Структуры не выходят на улицы!». Одним словом, попытка увидеть в «поколении» то человеческое «агентство», через которое «работает» История и Современность, — такая попытка будет оставаться постоянным соблазном для социолога и историка.

Если исходить из «поколения» как самодостаточной сущности...

В этой части обзора, не рискуя исказить новейший интерес к обсуждаемой категории «поколение», можно подтвердить, что этот пробудившийся интерес к феномену «поколение» и гносеологически, и онтологически более, чем значим. Вопрос только один. Не перегружаем ли мы в нашем исследовательском энтузиазме всё ту же категорию «поколение» теми объяснительными возможностями, на которые она

едва ли может претендовать? И, наоборот, не упускаем ли мы из виду сущность «поколения», которая может оказаться лежащей «этажом ниже» или просто во «внешнем контексте»? — Ответы (или попытка ответить) на эти вопросы впереди, а пока посмотрим, что говорит социологическая и художественная мысль о феномене «поколение» как самодостаточным фактором, отвечающим чуть ли не за весь социальный портрет общества в период существования того или иного поколения. С этой целью вернемся к замыслу проф. Т. Шанина рассмотреть историю социума через «смену поколений».

Здесь уважаемый автор готов опереться на некоторую закономерность, которую можно отметить в «цивилизационных» изменениях «от отцов к детям», наблюдаемых в обществе. В качестве примера Т. Шанин приводит рассуждения Ибн Халдуна (XIV в.) о том, как работает «поколенческая причинность» на Востоке. Конкретно, речь идет о династиях бедуинов, их переходу с воинственного на оседлый образ жизни в завоеванных городах, далее к материальному обогащению и неизбежной утрате воинского духа и последующим завоеванием их новыми пустынными племенами. (Шанин 2005: 20).

Это старая история. Успехи нового поколения могут оборачиваться не приобретением, а потерей в целом. Лукрециевское «Нынче к упадку идут времена» начало звучать чуть ли не с первых дней человеческой цивилизации.

«Динамика будденброков»

Древний Китай и Античность знала проблемы, возникающие внутри поколения между его молодыми и взрослыми «когортами». Достаточно вспомнить, например, даосскую легенду о «механическом сердце», рассказанную Чжуан-цзы (IV в. до н. э.). Пафос этой притчи состоит в убеждении, что «новое поколение», делающее приоритетную ставку на «облегчающий» эффект от применения всякого рода «механизмов», в своей жизнедеятельности, довольно быстро обнаруживает коварство этого «облегчения» — сердце человека становится «механическим».

В Новое время стали отмечать эту «негативную динамику» на примерах «фамильных» (семейных) историй. Причем, если в эпоху Просвещения семейно-поколенческая динамика видится еще как-то через оптику разума и надежды, то в дальнейшем настроение меняется чуть ли не на прямопротивоположное. По одной из версий, третьему американскому президенту Т. Джефферсону (1743 — 1826 гг.) принадлежат слова о том, что история семьи — это о том, что отец становится

воином, чтобы его сын мог стать фермером, а сын его сына — поэтом. Однако уже с конца XIX столетия область «прекрасного и поэтического» как характеристика общества воспринимается едва ли не как синоним декаданса и деградации. А значит, смена профессионального статуса в такой поколенческой эволюции — это ни что иное, как «дорога в никуда». Любимая и настойчивая идея Шпенглера, Ницше др. авторов этого направления — это уже знакомая утрата мотивационной жизнестойкости в обществе по мере роста его цивилизационной утонченности. «Закат Европы» (О. Шпенглер), «Европе угрожает «нового буддизма»» (Ф. Ницше). Вот модные и характерные прогнозы и понимание «судьбы человека» в этот период.

Наиболее характерно этот драматизм «зрелой» цивилизации зафиксирован философским и художественным сознанием на примерах «семейных хроник», включающих в себя историю нескольких поколений. После выхода романа Т. Манна «Будденбро́ки. История гибели одного семейства» (1901) появилось устойчивое выражение «динамика Будденброков», которое как раз и описывает поколенческую деградацию, когда-то могущественного семейства. Отец-основатель Иоганн Будденброк сделал карьеру на поставках зерна прусской армии. Ганно Будденброк — последний представитель рода, хрупкий и болезненный юноша, влюблённый в музыку и одержимый тягой к искусству. В русском литературном творчестве есть аналог «динамики Будденброков». Это романы М. Горького «Фома Гордеев» и, прежде всего, «Дело Артамовых». Вспоминая свои встречи с Л. Н. Толстым в Крыму в конце 1901 — начале 1902 годов в очерке «Лев Толстой», Горький писал: «Я рассказал ему историю трех поколений знакомой мне купеческой семьи, — историю, где закон вырождения действовал особенно безжалостно; тогда он стал возбужденно дергать меня за рукав, уговаривая: — Вот это — правда!» (Горький). В другой работе, «Беседах о ремесле», (1930) Горький рассказывает о потере интереса к жизни и настоящей эпидемии самоубийств отпрысков из крупнейших купеческих семей («железных людей») в Нижнем Новгороде и в Казане.

Какое социологическое резюме напрашивается после воспроизведенных здесь вариантов поколенческого видения истории накануне XX века? В любом из них — особенно ницшеанско-шпенглеровском — много правды, как много правды (но не всей) в «законе возрастания энтропии». Но как «закон возрастания энтропии» не действует в «открытых системах», так и упадок цивилизаций до варварского саморазрушения в «открытом» пространстве социума и истории не может быть абсолютизирован, то есть, такой концепт не может быть

адекватным описанием. В этом смысле интересно отметить визионерство поколенческой драмы, как мы его наблюдаем у Александра Блока. Поэт смотрит на коллизию «отцов» и «детей» совсем по-другому. Это видение, хотя и контрастно шпенглеровскому пессимизму, но в то же время и не благостно. Казалось бы, контрастом мог бы быть некий, как сейчас говорят, «позитив», который был бы как-то реабилитировать декадентские сюрпризы цивилизации. Ничего подобного. А. Блок говорит в первую очередь о трагедии «отцов» перед лицом «отпрысков». Поэт берет за исходный пункт знаменитый ибсеновский приговор, выносимый «юностью» старшему поколению: «Юность — это возмездие». О. Шпенглер считал, что мир-цивилизация деградирует каждые 30 — 40 лет. Столько времени требуется молодому поколению, чтобы беспечно забыть ужасы и варварство, которые сопровождали участие нации в очередной «войне народов». У русского поэта иной вектор диалектики поколений. А. Блок, не будучи сторонником плоской «теории прогресса» видит не только трагедию дворянского поколения (с его «культурой сантиментов», но и — в первую очередь — шанс, когда «последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо истории, которым движется история человечества ... Путем катастроф и падений [в России] постепенно освобождаются от русско-дворянского education sentimentale» «уголь превращается в алмаз», Россия — в новую Америку; в новую, а не старую Америку» (Блок). Одним словом, символизм А. Блока ближе к гетевскому реализму: «возмездие» — это не чистое злорадство одних над другими. Оно есть формула, начертанная мефистофелевским подчерком: «творю добро, всему желая зла». И тут мы ближе к истине, чем в случае с шпенглеровским фатализмом.

Первые редакции «поколенческого подхода» к социальной истории всегда производили заметное впечатление. Но для социологов всегда оставался открытым вопрос: насколько «поколение» обладает субъектностью и способностью быть агентом воздействия на окружающую социальную среду. Например, О. Шпенглер, объясняя упадок новейшей европейской цивилизации «фамильной деградацией» элиты, похоже, явно преувеличил детерминистский потенциал поколенческого фактора. Об этом свидетельствует и сам шпенглеровский прогноз «заката Европы к 2000 году». Случилось обратное: Европа стала к прогнозируемой дате «крушения» такой конструкцией, которая сама формирует поколения современников с заметным универсализмом экономических, правовых и политических стандартов. Поэтому если кто и возьмется сегодня предсказывать «закат» современной цивилизации на основе «поколенческой

инволюции», то разве что ценой потери своей научной репутации. (Да и вообще сокрушительные прогнозы о полной потере социального иммунитета у современной цивилизации и её неизбежной катастрофе и деградации (напр., в книге Р. Вакка «Приближающее Средневековье», 1973, где, прогнозировался к периоду между 1985 и 1995 гг. полный коллапс промышленности и гибель 450 млн жителей. Или, как у С. Хантингтона — высокая вероятность Третий мировой войны между исламским Востоком и христианским Западом. — Все эти прогнозы оставляют сегодня впечатление прямолинейности, если не курьеза).

Тем не менее попытки понимать «поколение» как некую самостоятельную целостность, которая может так или иначе формировать портрет данного исторического этапа того или иного общества, — такие попытки мы наблюдаем. Сегодня наиболее характерный пример — лонгитюдный проект двух американских авторов В. Штрауса и Н. Хоува, посвященный феномену «поколение» в истории и не только американской.

Поколения с анонимной аббревиатурой — Икс, Игрек, Зет, Альфа etc.

За последние три десятилетия оба исследователя выпустили с десяток книг на данную тему. Авторы начинают с совсем не очевидного, но вполне совпадающего с их логикой тезиса: «если рассматривать поколение как социальную общность, мы увидим, что оно, по крайней мере, столь же могущественно (а мы считаем, что и более могущественно), как экономические и социальные классы, расы, пол, религия и политические партии» (Штраус, Хоув). Сравнивая «поколение» по силе могущества с экономическими и социальными классами, В. Штраус и Н. Хоув, можно сказать, претендуют на концепцию «поколенческого детерминизма». В этом смысле история развития общества трактуется ими не как «эволюция» (буквально «развертывание»), «разворачивание» всех социальных возможностей социума в творческой неопределенности и непредсказуемости своей диахронии, а скорее как циклическое повторение «поколенческих биографий», как повторение, напоминающее картину, «беличьего колеса жизни», как говорят в таких случаях.

О концепции В. Штрауса и Н. Хоува уже много написано, поэтому достаточно напомнить главное. По мнению авторов, полный поколенческий цикл составляет 80 — 90 лет. За этот цикл на свет появляются четыре поколения. И каждое их этих 4-х поколений внутри цикла переживает 4-е сменяющих друг друга «состояния» — подъем, пробуждение,

спад и кризис. Авторы задокументировали на американском материале, что начиная с конца 16 века, это колесо-цикл катится по стране, воспроизводя внутри себя указанную смену «состояний».

Думается, однако, что подход к «циклическому» существованию поколений как фактору и источнику циклов в самой социальной реальности не совсем в ладу причинно-следственной зависимостью. И это даже при том, что причина и следствие часто диалектически могут меняться местами. Конечно, Поколение, творит Эпоху, но горе тому Поколению, которое сопротивляется духу и смыслу Эпохи.

Но дело даже не в том, что «профиль» поколения детерминируется задачами и характером будущего, которое бросает вызов социуму на любом данном его этапе. Если поколение называется «потерянным» или «молчаливым», то это значит, что эта генерация является не столько субъектом и творцом, сколько объектом и жертвой обстоятельств. И собственно поколение «начинается» в этом случае только с момента появления в нем представителей, олицетворяющих «фермент» сопротивления и борьбы с этими «обстоятельствами».

Удручающий момент во многих современных «поколенческих концепциях» состоит в том, что в них по-настоящему не отрефлексирован в «человеческих» терминах характер того вызова, который формирует *modus vivendi* и *modus operandi* поколения, рожденного в атмосфере этого вызова. Ведь одно дело, когда молодежь вступает в жизнь в обстановке кризиса или катастрофы, необходимость и формы борьбы с которыми очевидны или почти очевидны. Такова, например, жизнь в условиях жестокой диктатуры или экологической трагедии. И совсем другое дело, когда мы имеем дело с вызовом, который скорее и не воспринимается как нечто «ужасное» и несовместимое с «природой» человека. Понятно, что речь идет о той «мягкой» (*soft*) силе, которая сегодня представлена «цифровой технологией». Биотехнологии и соцсети — вот два входа в мир «постчеловеческой» реальности, где «искусственное» вытесняет «естественное». Вступать в этот мир есть род искушения, стоящего перед чередой новых поколений. Здесь нужен свой *vade mecum*, свой проводник-спутник, который прокладывает маршрут под знаком различия между «достаточным» и «необязательным», под знаком вольтеровского императива: «Пользуйтесь, но не злоупотребляйте!» В историю входят те поколения, которые ориентируют социум как бы «из будущего».

Сегодня же социологи для обозначения современных и обозримых поколений придерживаются в основном анонимной классификации. Используются буквы латинского и греческого алфавита — «поколение:

X, Y, Z, Alfa, Beta, Gama». Предметные и качественные названия — «Потерянное», «Великое», «Молчаливое» и проч. поколения — теперь уже в прошлом. В этих именах еще звучат намёки на субъектность и оценку именуемых поколений. Поколения же с латинской и греческой «нумерологией» находятся в пространстве и времени «техно-информационного триумфа» как естественной среде обитания. Картина же «социальных» и «экзистенциальных качеств» этих поколений оставляет довольно противоречивое впечатление. Например, о поколении X (рожденные в 1965–1980) говорят как о «пофигистах», «сочетающих иронию по отношению к обществу с беспомощностью перед его лицом, неприятие никаких ценностей — с полным отсутствием установки на протест» (Кормильцев).

«Компьютерная фамильярность на фоне атрофированных «социальных качеств»

Онтологический подход, как уже говорилось, предполагает подход к явлению на этапе его полного развития-расцвета. «Цифровая цивилизация» еще далека от этого успеха, поскольку ее развитие сопровождается заметным эрозией тех «социальных» и «человеческих» качеств, которую (эрозию) цивилизация не должна предполагать. Этот факт не ускользает уже от многих наблюдателей. Ниже приведены (собранные на щедрых просторах Интернета) оценки «обратной стороны», если можно так выразиться, «цифровой социализации» последних компьютерных поколений. Эти наблюдения и оценки имеют, понятно, значение «feedback» для поэтапной корректировки нашего путешествия в «сетевое» и «цифровое» будущее.

«Поколение Y» (1981 — 1996). «Склонны оттягивать переход во взрослую жизнь на более длительный срок»; «Это первое поколение, у которых нет героев, но есть кумиры»; Культ «самовыражения», «выделиться» на фоне остальных как самоцель, «Быть не как все»; «Безлепная забота о своей частной жизни»; «Фокус решения проблем смещен в личное пространство даже тогда, когда, когда осознается их глобальная природа»; «Игреки хотят получить от жизни максимум удовольствия»; «Представители поколения Y не умеют думать на большую перспективу».

«Поколение Z» (1997 — 2012). Китайцы нашли своему аналогу поколения Z своё название — «клубничное поколение». Дети этой генерации «легко мнуться» под первой тяжестью социального давления или тяжелых жизненной ситуации, если таковая случается.

Болезненное отношение к критике. Выгорание — при первой же неудаче теряют интерес, разочаровываются. Неумение общаться — потребность в реальных и непосредственных контактах не такая острая, как у предыдущих поколений.

«Поколение Альфа»(начало 2010-х — середина 2020-х):

«Предыдущие поколения давно привыкли к законам виртуального мира ... Альфа пойдут еще дальше — сотрут границу между жизнью и виртуальной вселенной окончательно. Выражение «Перестань сидеть в интернете» потеряет смысл — невозможно отказаться от части своей идентичности».

Слабые стороны: 1) Виртуальная реальность грозит стать тюрьмой, за пределами которой обнаружится реальный жестокий мир. Будут ощущать скуку и тревожность без привычного смартфона»; 2) Жизненные ситуации перестанут быть источником опыта. Будут с легкостью менять друзей, избегая привязанности; 3) Сокращение реальных контактов с людьми приводит к эмоциональной бедности.

«Поколение Бета» (рожденные после 2020-х). О нем говорят, прежде всего, что это — первое «искусственное поколение», то есть, каждый из его представителей уже не жил в докомпьютерную эпоху. Факторы, формирующие поведенческие привычки, лежат собственно в «искусственной», «цифровой» среде, если не считать доживающих свой недолгий срок дожития «докомпьютерных аборигенов». «Специалисты» из числа тех же «цифрацентристов» практически ничего не говорят о социабельных и экзистенциальных характеристиках этого поколения, сосредоточив свои прогнозы на новейших параметрах симбиоза «человек — машина». Ссылаются, например, на программы интерфейса M2 H (Machine to Human). Как результат, приходят к выводу, что виртуальная реальность будет существовать не параллельно с реальной жизнью, не различимо с ней. «Это и будет реальной жизнью в прямом смысле этого слова [...] Generation B переопределит человеческую идентичность» (Жиганов).

Конечно, не подвергая сомнению, роль «искусственных средств» в жизни людей (будь то хрестоматийные «орудия труда» или компьютерные «нейросети»), можно постулировать как аксиому: человеческое Я нередуцируемо до статуса «искусственного» образования, оно по мере той же биороботизации просто в качестве *ultima veritas*, высшей реальности, отодвигается на более достойное место. Не отождествление, а отделение «искусственного» от «естественного» также безусловно, как скажем, «разделение властей» в сфере политики. Что же касается модного постмодернистского воззвания к «переопределению», как мы

это недавно наблюдали в истории с «гендерным переопределением», то алогичность последнего очевидна, кажется, и самим инициаторам, радикальным феминисткам. Сегодняшний «трансгуманизм» делает ту же онтологическую ошибку.

Это в принципе. Пока же по поводу даже еще не полностью «отцифрованных поколений» исследователи ставят диагноз, после которого неминуемо возникает вопрос, а что делать с подобными последствиями «цифровизации». В качестве иллюстрации сошлемся на работу Дж. Твенге «Поколение обладателей айфонов». Книга имеет говорящий подзаголовок «Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало менее требовательным и еще менее счастливым — и абсолютно не готово к взрослой жизни и что это значит для всех остальных?» (Твенге 2021).

Автор говорит о состоянии подростков, не расстающихся с iPhone'ом 24 часа в сутки. Об очевидном даже не стоит много повторяться. Они спят меньше 7 часов при необходимости 9-часового сна. Они не общаются голосом, а быстро набирают друг другу «тексты». Живая речь, предполагающая и тренирующая достаточно заметный диапазон чувств и мыслей, заменяется с позволения сказать сиюминутным «письмом» в пределах «закрытого» опыта подростков-сверстников. Оторвавшись от «мира взрослых», они упоены легкостью такого общения, очень дорожат своей «сетевой» песочницей и болезненно реагируют на нарушение внешних границ. Вместе с тем, вступая в «мгновенное» сообщество, они открывают «ящик пандоры»: подростки, предоставленные сами себе совсем не обязательно «реконструируют» цивилизационные отношения. В мрачной утопии У. Голдинга «Повелитель мух» описан мир «без взрослых». В «цифровой» повседневности этот «мир» девиантен по-своему: из мести выкладывают доверительную видео-информацию, распространяют «компромат» на выбранную жертву и преследуют ее, часто доводя, подростка до суицида и т. д. Если такое «поколение обладателей айфонов» становится отцами детей, погружающихся «искусственный» и «герметичный» мир «цифры», то на извечный вопрос «Quovadis?», можно с известной ностальгией сказать, что движущего конфликта по имени «отцы и дети» больше не существует: по принципу — «что отцы, что дети». И это не тот случай социальной стабильности общества, который мы связываем с исчерпанием конфликтов. Сама Дж. Тенге на неизбежный вопрос «что делать?» дает ответ, на который напрашивается законный вопрос: «а как это сделать, чтобы не испортить и без того критическую ситуацию». Рецепт от автора книги «Поколение обладателей айфонов»: «Советов

всего два — самоограничение и понимание происходящего». В общем, приходится солидаризироваться с этим выводом, если только «самоограничение» не ассоциируется с некоей практикой «неолуддизма», а, напротив, иметь в виду, что «самоограничение» есть отличительный признак цивилизации (Элиас 2001).

Даже беглый обзор «поколенческой» темы в работах ряда современных авторов, сориентированных на «цифровой детерминизм» показывает, что эти авторы просто покидают тему сущности всякого нового поколения, которая с онтологической точки зрения, раскрывается именно в конфликте и противостоянии «отцов» и «детей». Другими словами, эти авторы рассматривают теперешние поколения с анонимной буквенной нумерацией «X, Y, Z, Alfa и т. д.» совсем не в плане их субъектности и ориентированности на «злобу дня», а скорее, как «исполнительные органы» большой машинной цивилизации, выстроенной на «цифровой платформе» промышленной революции 5.0. Единственный аспект «субъектности» этих «оцифрованных» поколений состоит, так сказать, в «сопротивлении человеческого материала», в ряде тревожных несовместимостей и последствий, которые описывают некоторые спохватившиеся исследователи, как, например, Дж. Твенге, книгу которой один рецензент назвал «черным зеркалом современного общества».

Поколение и общество: кто кого детерминирует?

Теперь, когда мы, так или иначе, зафиксировали, что в последнее время исследования поколенческого феномена сконцентрировались в основном, если не исключительно, на том выводе, что цифровая технология не оставила выбора и переинформативировала «социальный профиль» современных поколений (поколение Y, Z, Alfa и проч.), вернемся к той части нашего обзора, когда вопрос ставился, можно сказать, в противоположной плоскости. Иначе говоря, насколько поколение в своей «субъектной» потенции может само формировать характер общества на том или ином этапе его развития и быть маркером, эмблемой и т. д. общественной эпохи (идея проф. Т. Шанина)? Попробуем подойти к ответу на данный вопрос с позиций онтологических принципов, то есть, в нашем случае всё время имея в виду, а в чем смысл и сущность поколений, представленных в дилемме «отцы и дети» — другими словами, в чем состоит не столько наблюдаемая реальность-фактичность «поколения» («отцов» ли, «детей» ли), сколько их настоящая «подлинность», «призвание», «функция» и т. д.

Объяснять Историю и Современность «поколенческой причинностью» имело бы смысл только в одном случае, если бы мы увидели в работе американских и других авторов указание или доказательства, что «поколение» как субъект «угадывает» в чем состоит повестка дня современного ему общества и участвует в её реализации. Говорить же о том, что характер поколения («обманутое», «безмолвное», «потерянное», «декадентствующее», «прагматическое» и т. д. или, наоборот, «героическое», «протестующее», «романтическое», «контркультурное» и проч. дает не только название соответствующим эпохам, а еще и формирует их сущность, — говорить так значит сильно преувеличивать детерминистский потенциал феномена «поколение».

Поколение — это, в первую очередь, образ мыслей и характер поведения людей, принадлежащих к данной генерации. И этому «образу мыслей» и этому «характеру поведения» не избежать диктата «внешних условий» и «среды обитания». Поэтому ряд авторов, пишущих сегодня о таком выпуклом и ярком феномене, как «поколение», закономерно сомневаются в «самодостаточной» природе той или иной «генерации». Каждое поколение — дитя своего времени и отражение его. К этому ходу мысли следует добавить, что в этом и есть «механизм обеспечения» общества именно «своим», так сказать, «обслуживающим» поколением. И, как уже было сказано ранее, в каком-то смысле, продуктивнее подойти к поколению, поискав его сущность не в произвольной и даже фантастической «самостоятельности», а в реалиях и нуждах современного данному поколению социума.

Вот почему возникают и законные вопросы: не поторопились ли социологи, придав категории «(новое) поколение» явно широкие объяснительные полномочия? Не важнее ли опираться на те объективные условия, которые сами «заказывают» повестку дня вступающего в жизнь поколения. «Понятие «поколение», — пишет один автор, — безусловно занимает свое место в логическом инструментарии, с помощью которого анализируется процесс общественного развития. Однако оно не сопоставимо с такими логическими категориями, как стадия исторического развития, общественная формация, цивилизация, экономический базис общества, государство, сословия, классы и прочие категории, выражающие движение человеческой истории от первобытности к современному миру. Демографическая же картина любого общества, соотношение в нем разных возрастных слоев и их роль в общественном развитии определяются его экономическим и социальным состоянием в каждое время». (Данилов 2005: 101). Если же вспомнить, какими видят масштабы влияния «поколенческого фактора» его сторонники — оно «столь

же могущественно (а мы считаем, что и более могущественно), как экономические и социальные классы, расы, пол, религия и политические партии» (Штраус, Хоув), — то, похоже, мы имеем случай употребления термина «поколение» в его явно неподлинном значении.

Здесь самое время вспомнить замысел проф. Т. Шанина, предложившего попробовать понять историю обновления, в частности, российского общества через «смену поколенческих серий», проще говоря, через смену поколений. По-видимому, не случайно другой проф., Ю. Левада, не готов был пойти так далеко, чтобы связывать с «поколенческим подходом» большой объяснительный успех (Левада 2005: 235). Более того, Ю. Левада такие конструкции, как «поколение», претендующие на большой эпистемологический эффект, назвал «фантомными категориями». «Само перенесение на общественные процессы понятийного аппарата, характерного для рассмотрения «фамильной» преемственности, приводит к ряду мнимых конструкций. Таковыми, например, являются «смена», «конфликт», «разрыв» поколений. «Временная» организованность общества [...] обеспечивается, прежде всего, системой его социальных институтов» (Левада 2005: 235). По этой же причине Ю. Левада с известным скепсисом относится к выводам уже упоминавшейся М. Мид: «По известной характеристике М. Мид современная цивилизация «проспективна», обращена к будущему, поэтому в ней старшие поколения ка бы учатся у младших. Последнее соображение, видимо, нуждается в определенных оговорках ... Дело не столько во взрослении сегодняшних молодых, а во «взрослении», формировании институциональной зрелости общества» (Левада 2005: 242). «Фактор всемогущества» молодости у М. Мид явно переоценен. Её дальнейшая профессиональная эволюция это подтверждает. Она с таким же энтузиазмом вышла за рамки разумной защиты и оценки требований радикального феминизма и однополых браков в Америке 1970-ые. В это же время появились критические голоса, обвинившие её в некорректной интерпретации поведения туземной молодежи, представленной в её первых работах

Сходные сомнения находим и у В. Ядова. Комментируя тезис в духе «молодежь — мотор социальных изменений», он пишет: «между тем, здесь остается немало вопросов для размышления» (Ядов 2005: 253).

Действительно, в молодежной среде мы можем наблюдать в добровольном исполнении и убедительных масштабах такой феномен, как конформизм, карьеризм, социальный индифферентизм и проч., что идет в разрез с утверждением о якобы «пионерской» и «дизайнерской» природе молодежи. «Молчалины блаженствуют на свете» (А.

Грибоедов); «Этот сорт народа тих//И бесформен, словно студень. // Очень многие из них// В наши дни выходят в люди» (В. Маяковский). Есть и прямые политические причины, парализующие гражданский «футуризм» молодого поколения. Как пишет, Ю. Левада, «Претензионно пошлые лозунги типа: «Молодежь — наше будущее!» фальшивы. На деле «наше» (общества) будущее — это то, что сделают с бывшими молодыми социальные институты и обстоятельства. И только в условиях развитого, социально «зрелого» общества подростковый или юношеский примитивизм (всё равно — примитивно-бунтарский или примитивно-патерналистский, вождистский, ксенофобский...) может уступить место «взрослым» формам социальной активности и ответственности» (Левада 2005: 242).

Всё это говорит, что «молодежный фактор» не работает с неизбежностью социального рефлекса и автоматизма. «Общество» может по-разному блокировать «протестантский дух» молодой генерации. В экономически развитых странах мы наблюдаем практику «соблазнения» и «включения» в доминирующую «систему» своих «непокорных детей». Так, в США на рубеже 1980-х на смену поколению бунтующих «хиппи» пришло поколение карьерных «яппи». В авторитарных режимах, например в КНДР, молодежь удерживают в рамках действующего порядка системой репрессивных мер.

Еще раз об онтологической модели «поколения»

Это, конечно, не значит, что нельзя спрашивать, а в чем состоит подлинная суть «поколение». Но в таком случае мы покидаем область восприятия всякого поколения как некой данности и фактичности и вступаем в область онтологического(сущностного) восприятия фактов (в нашем случае — «фактического» поколения). В онтологическом плане это означает, что сущность, миссия, природа «поколения» характеризуется способностью поколения рефлексировать по поводу «насушних проблем» социума, его «потребного будущего». Действительно, этот образ мыслей группы людей, составляющих «поколение», как правило, относится к будущему. Но не обязательно. К будущему можно и возвращаться. На этот счет существует совсем несофистическое выражение: есть такое прошлое, которое еще не наступило. Интенции «поколения» могут относиться, например, и к «удачному» опыту прошлого, от которого по разным причинам социум отклонился и отстал от «современности». Например, в России декабристы в своем

«проекте будущего» ориентировались, не в последнюю очередь, в том числе и на эпоху «древнерусского вечевого правления».

Одним словом, с «новым поколением», с «детьми», как они представлены в феномене «разлома поколений», всегда связывается «образ будущего», во всяком случае «образ того, чего сейчас нет». Как рождается подобное видение — это не простая задача, стоящая перед социологом, берущимся изучать призвание новой генерации.

Характеризуя природу/миссию «нового поколение» в терминах «будущего», мы фактически переходим на новый, онтологический язык, от которого социология, в значительной степени, отвыкла, не успев к нему привыкнуть, когда сама онтология еще почетно присутствовала в корпусе высокого теоретизирования. Конечно, онтологические реликты общественной мысли мы еще находим в классической социологии политической науке. Например, такие концепты, как «солидарность» (М. Ковалевский, Э. Дюргейм), «семья», «гражданское общество» и «государство» (Гегель), «права человека» (политические декларации Нового времени) и проч. — представляют собой то, что называют «онтологическим минимумом», «реперными точками» и т. д. всякого «нормального» общества. Есть признаки того, что после «релятивистского» увлечения «плюрализмом нормы» начинает расти интерес к этому феномену «онтологического минимума». Вот пример, имеющий прямое отношение к нашей теме, к «межпоколенческим отношениям»: «Сохранение и даже возрастание эмоциональной направленности всех семейных контактов говорит о межпоколенческой интимности, понимаемой как симпатия, расположенность, признательность, практическая забота, эмоциональная привязанность и поддержка. Её растущая значимость, по-видимому, связана с тем, что она является практически неотчуждаемой функцией современной семьи, которую невозможно передать другим социальным институтам» (подчеркнуто нами. — А. Щ.) (Нечаева, Бурмыкина 2020: 19).

Детерминация «будущим»: онтологический смысл

«Кейс», когда образ мыслей поколения связан с «будущим», наиболее адекватно поддается объяснению именно в онтологических терминах. Как раз здесь «поколение» («дети») выступает в ипостаси субъекта, субъектности. Такое «поколение», так или иначе, таргетирует социум на «будущее». «Я хочу будущее сегодня», — скажет В. Маяковский. М. Ломоносов однажды выразился в том духе, что Петр I есть ничто иное, как весточка нам из «будущего». Интересно отметить, что отечественные

социологи, описывающие атрибутику российских поколений нескольких последних десятилетий, выделяют на фоне конформистских, традиционалистских, патерналистских и т. д. поколений такие генерации, «которые ориентированы на ожидания от будущего» (Семенова 2005: 96). При этом выясняется, что этим генерациям соответствуют и такие значимые качества, как высокая образованность, способность к рефлексии и значительный уровень самокритичности. Так что называть «нормой» (в духе «множественности норм») поколение «конформистов», «карьеристов», «терпил» и т. д., как говорится, не приходится.

Такое «футурологическое» целеполагание близко по духу к онтологическому подходу к «судьбе» всякой веномена. Когда Гегель говорит, что «вещи нет, когда она начинается», тем самым имеется в виду, что всё дело за «будущим»: сущность вещи раскрывается не в начале пути, а тогда, когда она достигает расцвета, своего «акме» (Здесь отправляем читателя за подробностями на «интеллектуальную кухню» М. Лифшица, которому и принадлежит приоритет в реабилитации «социальной онтологии» в рамках российской общественной мысли). Или что онтологически то же самое: «поколение», которое ориентирует своих современников держаться такого «потребного будущего» (если его нет «сегодня»), где вещи соответствуют (!) своей природе, своей норме, своему понятию. Эта формулу можно назвать своего рода «онтологическим предупреждением», посылаемое действительностью. Для социолога, берущегося за поколенческий сюжет, оно крайне ценно, поскольку ориентирует, с каким поколением он имеет дело — «жертвой» обстоятельств, объектом социализации и т. д. или субъектом, понимающим «повестку/злобу дня» для времени, в которой этому поколению выпало жить. В этой связи уместно повторить, что собственно феномен «поколение» раскрывает свое содержание только в социуме современного типа, в развивающемся обществе, когда появляется дилемма «отцы и дети» и когда динамика этого общества, по меткому выражению Айзенштада, идет «от поколения к поколению».

Похоже, однако, что большинство исследований по поколенческой тематике лежат, так сказать, в страдательном, а не в активном залоге. Иначе говоря, социологическая мысль работает в традиционной «детерминистской парадигме»: отвечает на вопрос, как и откуда у поколения появились те или иные черты, а не в том, в чём состоит интенция данной генерации.

Когда-то один немецкий классик, критикуя своих французских предшественников, выразился в том духе, что не представляет большого интеллектуального труда свести человеческое сознание к эмпирическим

детерминантам. С этой точки зрения, вопрос, по-настоящему научный и имеющий практическое значение, должен выглядеть по-другому: как сознание активно внедряется в жизнь, чтобы поддержать лучшее и недостающее в этой жизни, то есть содействовать социуму в том, что на языке онтологии называется, повторим еще раз, «соответствием своему понятию»? Эволюция социума во времени не есть «обрастание» любыми атрибутами и артефактами. В «историческом путешествии» общества есть своя логика и неизбежность: достраиваясь до своего «зрелого состояния» (экономика, политика, культура), общество достраивается до «равенства самому себе», до той устойчивости, для характеристики которой «истина/истинность», «разум/разумность», «добро/добродетель», «нравственность», «гуманизм» употребляются как «конъюнктивные» и «конвертируемые» друг в друга понятия, проще говоря, как синонимы.

Чтобы ни говорили, Ф. Фукуяма, говоря о «конце истории», был прав. Как до этого были правы, говоря на эту тему А. Кожев, К. Маркс, Г. Гегель и корифеи средневековой и античной мысли. Ф. Фукуяма просто переместил это «равное самому себе» и «самовоспроизводящее» общество слишком близко к «сегодня». У всякого поколения есть цели «ситуационные», но маячат и цели большого порядка — большие «дезидераты», «то, чего не хватает», то, что выстраивается по принципу «дополнительности до целого». Исторически человечество не изобрело ничего лучше, чем «метод проб и ошибок», поисковую технологию «итерации», когда попадаешь в искомую точку принципиально «не с первого раза».

В плане поколенческого сюжета фундаментальное значение имеет вопрос: всё-таки где «начинается» или, наоборот, «заканчивается» поколение? Не «начинается» ли оно с обретения статуса субъектности и роли агента действия? И соответственно, не «заканчивается» ли оно, когда ограничивает себя функцией «хорошо социализированной» общности и добровольной жертвы «текущих обстоятельств»?

Известно, что в самой социологии имеет место укоренившаяся традиция объяснять сознание и поведение людей их социальной средой обитания в самом широком смысле слова («идеологией века», господствующими экономическими, техническими, политическими «форматами», «модами» в социуме и т. д. Такой объяснительный подход к феномену «поколения» сегодня нельзя назвать удовлетворительным. Идет слишком быстрая смена факторов — особенно технологических, конкретно, информационных — чтобы безмятежно оставаться (социологам не в последнюю очередь) в состоянии «естественной», а не

«критической установки» по отношению к происходящему «прогрессу», который с легкой руки К. Ясперса был назван «парализующим триумфом средств над [человеческими] целями».

Вот почему принципиален социологический вопрос к самой социологии — сводима ли тема «поколения» к «позитивистской» фиксации «фактов» присутствия поколений, детерминированных всё теми же «внешними» силами и доминантами? Можно ли назвать «сциентистскую» классификацию/хронологию поколенческих вполющений, как мы это часто видим в концепциях «ПОКОЛЕНИЙ X, Y (миллениалы), Z, A (альфа), B (бета) и проч., — назвать последним словом в социологии?

Считается, например, что авторы этих концепций показали, что сегодняшние подростки и молодые взрослые пересматривают понятие молодости; на смену пессимизму и отчужденности их родителей приходят оптимизм и активная жизненная позиция, что поколение Миллениума предъявляет высокие требования к миру; его представители менее жестоки, вульгарны и сексуально озабочены, чем та подростковая культура, которую взрослые создают для них.

После предложенной характеристики «поколения Миллениум хочется спросить. А собственно кому мы обязаны такой метаморфозой? Собственно поколению «Миллениум», и тогда это аргумент в пользу субъектности этого поколения с его обещаниями описанного авторами будущего. Или «поколение» не так могущественно, чтобы выступать творящим, «пламенеющим» (М. Лифшиц) субъектом? Или мы обязаны этим другому фактору — тем новым экономическим и политическим (в общем материальным) условиям, которые возникли в логике указанного материального прогресса доброжелательным отражением, в лучшем случае, это поколение «Миллениум» (и далее по списку) и является? И тогда это слабый аргумент в пользу «Миллениума», а скорее повод задуматься о работе онтологических механизмов, о логике «(социального) бытия». И всё «благородство» и «достоинство» упомянутого поколения, состоит в том, что оно принимает (а не отвергает) эти новые условия существования как «судьбу», «дар» или «дезидерату» (того, чего не хватает) — кому как угодно. В связи с этим можно добавить, а точнее, повторить, что само поколение Millenium к «производству» собственного содержания, другими словами, к этим новым условиям существования прямого отношения не имеет. Их, как правило, закладывают, провоцируют, проектируют и т. д. предыдущее поколение.

Онтологический подход имеет то преимущество, что позволяет ответить на вопрос, обладает ли данное поколение многаяжды упомянутой

субъектностью, выступает как самодостаточный и активный субъект, или оно только испытывает, как объект, на себе воздействие разных детерминирующих факторов.

Видимо, не случайно ряд авторов заговорили о феномене поколения в подобном, новом, — онтологическом — ключе, заговорили в терминах «значимого поколения»

Что такое «значимое» поколение?

Прежде, чем отвечать на обозначенный в заголовке вопрос о том, что есть «значимое» поколение в отличие от (надо так полагать, «незначимого»), есть смысл обратить внимание на еще недавнюю социологическую моду. Дело в том, что на многих поколенческих концепциях лежит тень постмодернизма с его ведущим принципом «равнозначности» и «суверенности» множества социальных реальностей, в нашем случае «равнозначности» и «суверенности» всех поколений, так сказать, «плюрализма поколений» (См. вышеприведенный «список»: поколение «обманутое», «безмолвное», «потерянное», «декадентствующее», «прагматическое», «героическое», «протестующее», «романтическое», «контркультурное/хиппи», «яппи» и проч., проч.). В этом смысле делаемое многими серьезными исследователями акцентирование на поколениях «значимых», «задающих тон», «ключевых», «универсальных», «востребованных временем» или, как удачно выразился Ортега-и-Гассет, «олицетворяющих зрелость своей эпохи» в отличие от просто «присутствующих» (которых В. Шкловский называл «синхронистами», а легендарный Гераклит про которых говорил, что «присутствуя, они отсутствуют») и уж, тем более, в отличие от «отцов», застрявших «во временах очаковских и покоренья Крыма», — такой акцент как раз и подчеркивает появление и закрепление, повторим, именно «сущностного», а не «эпифеноминального» подхода к поколенческой реальности.

Еще один аргумент в пользу «значимого», а, не просто всякого «нового» поколения состоит в том, что «значимое поколение» — это не обязательно демографическая когорта, то есть, сообщество людей, например, рожденных в один период времени по календарю, скажем, в один год. «Значимое поколение», смотрящее на «сегодня» с высоты «нормального», «подлинного», «идеального» «завтра» всегда имеет своих сторнников-единомышленников среди людей другого возраста, другого «сословия» и т. д.. Например, «шестидесятники» — это не только, родившиеся в 1930-ые годы, но и раньше, много раньше. «В общественном плане не менее значимо и понятие «разновозрастное

поколение» [... когда] разновозрастные поколения сливались в единое общественное поколение» (Данилов 2005: 110). То же самое у Я. Басиной: «Знаменитое поколение «шестидесятников» в СССР, никогда не бывшее поколением, в возрастном смысле, так как к нему принадлежат люди разных возрастов, начавшие в шестидесятые «оттепельные годы» проявлять различного рода нетривиальную в условиях СССР социальную активность» (Басина 1994). Или, когда людей из разных социальных страт, объединяет общий «оппонент»: «кающиеся дворяне» рядом с поколением «разночинцев» и вообще всяческие «попутчики» в рядах «мейн-стримного» поколения. И если обобщить: феномен «разно-возрастности, — классовости, — религиозности, — этничности и проч.» в составе «значимого поколения» лишней раз показывает (доказывает), что по своему существу, с онтологической точки зрения, «поколение» начинается не «из настоящего», а «из востребованного будущего», потому что только «будущее» может объединить столь разные социальные общности, синхронизировать их действия.

«Значимое поколение» не обязательно значимо масштабом своего физического представительства. Значим их строй мысли, образ «потребного будущего» и соответственно критика «настоящего». Другими словами, значим, не «физический», а «ментальный» и «волевой» планы. Физически такое поколение может быть даже очень уязвимо. По сокрушительному признанию Ю. Тынянова: «На очень холодной площади в декабре месяце 1825 года перестали существовать люди двадцатых годов» (Цит. по: Отцы и дети 2005: 214). К теме уязвимости «мыслящего поколения» присоединяются такие социологи, как В. Ядов и Ю. Левада. В частности В. Ядов пишет: «Верно, что молодые поколения принимают на себя ответственность за судьбы своих стран и народов, но с поправкой — не во всех странах, а лишь в тех, в которых политико-социально-культурные условия допускают это, а социальные структуры разных стран различаются по их «разрешающим способностям» (формула М. Арчер), причем западноевропейские институциональные структуры обладают высокими, тогда как российские, напротив, невысокими разрешающими способностями. И еще — государственные структуры в России всеильны, гражданские пребывают в эмбриональном состоянии (Ядов 2005: 259).

«И отцы, и дети»

Когда читающая Россия получила в руки новый роман И. Тургенева, то у многих из тех, кто принадлежал к творческой и культурной части дворянства, равно как и к «безбожным» реалистам из думающих

разночинцев, были основания согласиться со словами одного рецензента — «Ни отцы, ни дети». Для одних неприглядность в изображении «отцов» выглядела в избыточной иронии над сентиментализмом, практической беспомощностью и неуместным романтизмом «отцов», а для других, возможно, такой же избыточностью были изображенная суровость и бесчувственность Базарова. И это при том, чтосам Тургенев одновременно оставался и ценителем лучших сторон дворянской культуры, и самым заинтересованным свидетелем нового разночинного поколения (Базаров был его самым любимым героем, от имени которого писатель в своих черновиках вел дневник, а с Добролюбовым и Чернышевским даже пытался найти общий язык).

За этим «разломом поколений», изображенным писательским воображением, стоит правда не воображаемая, а более чем реальная. Дело в том, что так работает история. «Новое» слишком жестко и бесповоротно расправляется со «старым» и лишь на следующем витке истории старается найти баланс «потерь» и «приобретений». Даже идеалистический оптимизм Гегеля не мешал ему видеть этот жесткий реализм истории: «страницы истории — это совсем не страницы счастья». Маркс тоже говорит о парадоксе «прогресса», когда движение вперед сопровождается жертвоприношением достигнутых образцов в культуре — художественной (героический фольклор), нравственной (народная мораль), политической (первобытная и античная демократия).

Современность — это особое состояние Истории — обладает привилегией. Современность совсем не предполагает фатальность и неизбежность Истории ценой таких жертвоприношений. Поэтому когда мы видим, что нам предлагают признать «поколения» с алфавитно-анонимной номенклатурой: «X, Y, Z, Alfa, Beta, Gama etc».полномочными лидерами «цифрового мира», который допускает эрозию таких социальных качеств, как солидаризм, справедливость, гуманность, приверженность к культуре и проч., то исторически сложившаяся дилемма «отцы и/или дети» поневоле предстаёт совсем в другой транскрипции, а именно: «и отцы, и дети». Эта парадигма, достойная Современности, предполагает совсем не эклектичное и софистическое толкование, а самую, что ни на есть диалектическую интерпретацию. Суть её предполагает не только одинаковую уязвимость «отцов» и «детей», о чем готова поведать нам не уходящее в тираж изречение «старость не радость, да и молодость не корысть». При этом такой же общей уязвимостью выглядят вечные искушения, которые подстерегают и «пожилых», и тех, кто «вступают в жизнь». Как выразился один автор «деспотами и иждивенцами могут быть и те, и другие».

Упомянутая диалектическая интерпретация взаимоотношений «отцов» и «детей» опирается на простую онтологическую закономерность: до тех пор, пока социум не мыслим без поколения «отцов» и «детей», человеческое сообщество как История и Современность существует через механизм «дополнительности друг друга», — «дополнительности» разных по опыту и возрасту поколений. Социологически это может быть выражено по-разному. В качестве резюме можно привести мнение одного российского автора, не претендующего на исчерпывающую формулу, но и не уходящего от сущности проблемы. «Задача старшего поколения — помочь молодым сделать правильный социальный и особенно духовно- нравственный выбор ... Задача молодых — стремиться воспринять лучшее из духовности «отцов как носителей культуры человечества» (Ханаш 2015:204)

И наконец, в продолжение этого хода мысли: онтологический подход совсем не исключает, а даже предполагает «значимую демонстративность» бытия, «момент истины», так называемых, «говорящих ситуаций». Дело в том, что мы можем наблюдать «истинность» и «подлинность» вещей напрямую, без всякого нашего познавательного энтузиазма. Мих. Лифшиц называет это «благодатью реальности». О чем конкретно идет речь? Возможно, следующий пример поможет быстрее и нагляднее ответить на этот вопрос. В последнее время в западных странах прокатилась волна экспериментов на поколенческую тему. Социальный эксперимент — это «онтология в миниатюре», это жизнь в ее очищенном от случайностей и помех виде.

В дома для престарелых людей приводят для общения друг с другом маленьких ребятишек (часто из сиротских домов). Эффект превосходит все ожидания. Это встреча двух миров, двух поколений, у каждого из которых есть в избытке то, чего катастрофически не хватает другому. Как пишет организатор одного из таких экспериментов: «Перед тем как дети входят в комнату, старики выглядят полуживыми, пребывают в полудреме. Совершенно депрессивное зрелище. И вот заходят дети для урока искусства или музыки, или для того, чтобы сделать бутерброды для бездомных, ну или какой еще там проект у них в этот день — и пожилые люди вдруг оживают, и энергия бьет из них ключом» (Дом престарелых ...). Или, по мнению другого эксперта: «Подобное взаимодействие позволит людям пожилого возраста не только почувствовать себя нужными и востребованными, но и поможет им передать свой опыт подрастающему поколению. Благодаря таким встречам дети могут воспринять мудрость, знания и добродетели из рук людей, прошедших долгий, насыщенный профессиональный и жизненный путь» (Дом

престарелых ...). Понятно, что подобные доказательства социология должна воспринимать не как эмпирически найденное и предлагаемое решение, а как символы, полные сильного обобщения, как подсказки и свидетельства напрямую от самой жизни.

Отсюда же и «онтологические» уроки и предупреждения для социума, претендующего соответствовать понятию «человеческого общества» в эпоху «цифровых» искушений и фатальностей, перед которыми стоят поколения с анонимной аббревиатурой — Икс, Игрек, Зет, Альфа etc.

Источники

Блок А. Возмездие. — URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=10730> (дата обращения 17.08. 2022).

Горький М. Дело Артамоновых. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Артамоновых (дата обращения 17.08. 2022).

Данилов В. О возможностях поколенческого анализа — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005. — 328.

Дольто Ф. На стороне ребенка. — СПб.: Петербург-XXI век, 1997. — 526 с.

Дом престарелых и детский дом под одной крышей. — URL: <https://www.asi.org.ru/2015/07/10/detskij-dom-i-dom-prestarelyh-pod-odnoj-kryshej-ekspertyotsenivayut-initsiativu-po-sozdaniyu-ploshhadki-dlya-obshheniya-pokolenij/> (дата обращения 17.08. 2022).

Жиганов В. Поколение Beta: вторые по алфавиту, но не по значимости — URL: <https://vc.ru/u/176064-vladimir-zhiganov/360879-pokolenie-beta-vto-gye-po-alfavitu-no-ne-po-znachimosti> (дата обращения 17.08. 2022).

Кормильцев И. Последнее поколение? — URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/3> (дата обращения 17.08. 2022).

Левада Ю. Заметки о проблеме поколений — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005. — 328 с.

Нечаева Н. А., Бурмыкина О. Н. Теоретическое наследие С. И. Голода и современные исследования семьи, брака и межпоколенных отношений // Петербургская социология сегодня. — 2020. — вып. 13/14. — С. 5 — 22.

Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005 — 328 с.

Семенова В. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛЮ, 2005. — 328 с.

Твенге Дж. Поколение I. — М.: Рипол — Классик, 2021. — 408 с.

Ханаш С. А. Социологический анализ феномена «отцы» и «дети» в системе межпоколенческих отношений // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2. Ч. 2. — С. 202–204.

Шанин Т. История поколений и поколенческая история. — Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛО, 2005. — 328 с.

Штраус В., Хоув Н. Поколение — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_поколений (дата обращения 17.08. 2022).

Элиас Н. О процессе цивилизации. — М., СПб.: Университетская книга, 2001. — 382 с.

Ядов В. А. К вопросу об исторической миссии молодого поколения // Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России / Сост. Ю. Левада, Т. Шанин. — М.: НЛО, 2005. — 328 с.

References

Blok A. Vozmezdiye [Block A. Retribution]. — URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=10730> (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Danilov V. O vozmozhnostyakh pokolencheskogo analiza — Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii / Sost. YU. Levada, T. Shanin. — М.: NLO, 2005. — 328. [Danilov V. On the possibilities of generational analysis] — Fathers and children: Generational analysis of modern Russia / Comp. Y. Levada, T. Shanin] (In Russian)

Dol'to F. Na storone rebenka. [Dolto F. On the child's side] — SPb.: Peterburg-XXI vek, 1997. — 526 s. (In Russian)

Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia / Comp. Y. Levada, T. Shanin. — М.: NLO, 2005 — 328 p. (In Russian)

Elias N. O protsesse tsivilizatsii [On the process of civilization]. — М., SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. — 382 s. (In Russian)

Gor'kiy M. Delo Artamonovykh. [Gorky M. Artamonov case].— URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Артамоновых (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Khanash S. A. Sotsiologicheskii analiz fenomena «ottsy» i «deti» v sisteme mezhpokolencheskikh otsheniy [Sociological analysis of the phenomenon of “fathers” and “children” in the system of intergenerational relations]. Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2015. № 2. CH. 2. — S. 202–204. . (In Russian)

Kormiltsev I. Posledneye pokoleniye? [Kormiltsev I. The last generation?] — URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1998/3> (Accessed 17.08.2022). (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Levada YU. Zametki o probleme pokoleniy [Levada Yu. Notes on the problem of generations]. Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii / Sost. YU. Levada, T. Shanin.— М.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Nechayeva N. A., Burmykina O. N. Teoreticheskoye naslediyе S. I. Goloda i sovremennyye issledovaniya sem'i, braka i mezhpokolennykh otsheniy [Theoretical heritage of S. I. Golod and modern studies of family, marriage and intergenerational relations] // Peterburgskaya sotsiologiya segodnya. — 2020. —vyp. 13/14. — S. 5 — 22. (In Russian)

Orphanage and nursing home under one roof [Detskiy dom i dom prestarelykh pod odnoy kryshey] — — URL: <https://www.asi.org.ru/2015/07/10/>

detskij-dom-i-dom-prestarelyh-pod-odnoj-kryshej-eksperty-otsenivayut-initsiativu-posozdaniyu-ploshhadki-dlya-obshheniya-pokolenij/ (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Semenova V. Sovremennyye kontseptsii i empiricheskiye podkhody k ponyatiyu «pokoleniye» v sotsiologii [Semenova V. Modern concepts and empirical approaches to the concept of “generation” in sociology]. — Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii /Sost. YU. Levada, T. Shanin. — M.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Shanin T. Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya. [History of Generations and Generational History]. Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii /Sost. YU. Levada, T. Shanin. — M.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Shtraus V., Khouv N. Pokoleniye [Generation]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_поколений (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Tvenge Dzh. Pokoleniye I. [Tvenge J. Generation I.]. M.: Ripol — Klassik, 2021. — 408 s. (In Russian)

Yadov V. K voprosu ob istoricheskoy missii mladogo pokoleniya [About the question of the historical mission of the young generation]. Ottsy i deti: Pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii / Sost. YU. Levada, T. Shanin. — M.: NLO, 2005. — 328 s. (In Russian)

Zhiganov V. Pokoleniye Beta: vtoryye po alfavitu, no ne po znachimosti. [Zhiganov V. Generation Beta: second in alphabetical order, but not in importance] — URL: <https://vc.ru/u/176064-vladimir-zhiganov/360879-pokolenie-beta-vtorye-po-alfavitu-no-ne-po-znachimosti> 85 (access date: 17.08. 2022). (In Russian)

Щелкин Александр Георгиевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия. evgora.ru@gmail.com

Shchelkin Alexander G., Dr. Sci. (Philos.), Prof., Leading Researcher, Sociological Institute, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation. evgora.ru@gmail.com